

УДК 81-13

ЯЗЫК И ПРИРОДА ЧЕЛОВЕЧНОСТИ (ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ)

А. В. Кравченко

Байкальский государственный университет,
Россия, 664003, Иркутск, ул. Ленина, 11
Поступила в редакцию 10.11.2021 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-1

Статья предлагает задуматься над тем, что мешает дальнейшему развитию науки о языке вследствие неадекватности общей методологии в исследованиях языка, эпистемологическую основу которой составляет дуалистичная философия объективного реализма. Приводятся доводы о необходимости перехода к новой, конструктивистской эпистемологии, способной вывести науку о языке из кризиса, придав импульс ее развитию. Для этого необходимо отказаться от традиционного взгляда на язык как объект, используемый в инструментальной функции, для выражения и передачи мыслей, применив системный подход к языковому семиозису как биологической адаптации, лежащей в основе организации человека как живой системы — и на уровне индивида, и на уровне общества. Когнитивная динамика человека как живой системы — это адаптивное интерактивное поведение в реляционной области языковых взаимодействий, образующих уникальную экологическую нишу человека как части системы «организм-среда». Именно в этой нише формируется и развивается человеческий интеллект как разумная способность: наша человечность покоится в языке как создающем начале мира, в котором мы существуем как языковые организмы.

Ключевые слова: дуализм, реализм, конструктивизм, языковой семиозис, живая система, познание, экологическая ниша, интеллект

1. Введение

Научный прогресс предполагает динамичный процесс развития научной дисциплины, проходящий определенные этапы: ДОПАРАДИГМАЛЬНЫЙ (предшествующий установлению парадигмы), ГОСПОДСТВА ПАРАДИГМЫ (так называемая нормальная наука), КРИЗИСА НОРМАЛЬНОЙ НАУКИ и, наконец, НАУЧНОЙ РЕВОЛЮЦИИ (смена парадигмы, формирование новой парадигмы) (Kuhn, 1962). Научная парадигма задает модель, по которой учеными формулируются проблемы и предлагаются способы их решения. В первую очередь определяются объект исследования, подлежащий наблюдению и изучению, и те вопросы, на которые исследование должно дать ответы, тем самым накапливая научное знание.

Научное знание — это знание, основанное на общности установок, характеризующих «нормальную науку» как исследование, опирающееся на одно или несколько прошлых научных достижений. Общность используемых исследователями установок составляет научную парадигму «нормальной науки», а «нормальная наука» часто подавляет новшества. Достаточно вспомнить, с каким трудом коперниковская модель мироздания вытесняла птолемеевскую модель или как в свое время поднималась на смех сама идея о том, что аппараты тяжелее воздуха способны летать. Очень важно помнить, что «нормальная наука» опирается именно на прошлые достижения, и языкознание, давно став заложником традиции, здесь не исключение (Кравченко, 2009; 2013а). Как отмечал А. Е. Кибрик, «история развития лингвистической теории свидетельствует, что ее носители преимущественно существуют в мире заблуждений, и трудно сказать, чего больше в исследовательском процессе: формирования новых обобщений о свойствах объекта или разоблачения квазиистинных утверждений» (2005, с. 37).

Тот факт, что когнитивная наука главного направления (так называемого мейнстрима) вообще и когнитивная лингвистика в частности находятся в рационалистическом плену картезианского дуализма (Damasio, 1994), препятствует формированию по-настоящему научного понимания языка как отличительной черты биологического вида *Homo sapiens*. Такое понимание, знаменующее начало смены научной парадигмы в области гуманитарного знания, характерно для новой эпистемологии, интегрирующей идеи биологии познания и языка (Maturana, 1970; 1978), энактивизма (Varela, Thompson, Rosch, 1991; Stewart, Gapenne, Di Paolo, 2011) и радикального конструктивизма (Foerster, 1972; Glaserfeld, 1995). В рамках этой эпистемологии научное изучение языка необходимо начинать с ответа на вопрос о том, что такое языковой семиозис с точки зрения биологической организации человека как живой (когнитивной) системы.

Два десятилетия назад я поставил вопрос о методологической целесообразности новой эпистемологии в когнитивных исследованиях языка (Кравченко, 2001) и в дальнейшем не раз возвращался к нему в попытках привлечь внимание научной общественности к клубку противоречий, пронизывающих исходные познавательные установки когнитивной лингвистики как части когнитивного проекта в целом (Кравченко, 2006; 2008; 2009а; 2011; Кравченко, 2007; 2013б; 2013в; 2015а; 2015б; 2016; 2021). Понимая, что сила инерции в науке, особенно гуманитарной, велика и нужно время, чтобы привычный (традиционный) способ мышления в исследовании феномена человечности уступил место новому, более адекватному взгляду на природу языка и других когнитивных способностей вида *Homo sapiens*, я не оставляю надежды пробудить у коллег интерес к критическому обсуждению и переосмыслению теоретического багажа, накопленного наукой о языке, с целью придать ей новый импульс и помочь выйти из того состояния глубокого кризиса, в котором языкознание пребывает уже длительное время (Кошелев, 2013). Ниже в кратком виде приводятся соображения о том,

где, на мой взгляд, кроются корни эпистемологической неадекватности общепринятых воззрений на язык, познание и сознание. Эти соображения можно рассматривать как приглашение к дискуссии о путях дальнейшего развития не только науки о языке, но и гуманитарных наук в целом.

2. «Родимое пятно» дуализма

Находясь под сильным влиянием предложенного Соссюром (Saussure, 1916) понятия языкового знака как немотивированного, конвенционального двустороннего единства материальной формы и идеального содержания, европейская семиотика как наука о процессах, в которых участвуют знаки (или наука о семиозисе), традиционно фокусировала внимание на проблеме значения, передаваемого в коммуникации знаками — наличествующими в текущем восприятии объектами, качествами или событиями как индикаторами чего-то, что может отсутствовать и быть недоступным восприятию. Для Соссюра и его последователей язык был парадигмальным образцом знаков, организованных в систему и используемых для передачи значений в коммуникации — неудивительно, что за прошедшее столетие утвердился взгляд на языковые знаки как главным образом интенциональные продукты разумных организмов (людей) или артефакты, функция которых заключается в репрезентации фрагментов действительности. Будучи репрезентированы посредством знаков, эти фрагменты становятся «информацией» о действительности («объективном мире»), которой люди обмениваются в процессе коммуникации.

Рассматриваемая под таким углом зрения, структуралистская семиология продолжает идущую от Декарта дуалистическую традицию, заключающуюся в противопоставлении человека как интенционального субъекта, выделяемого из окружающего его мира, самому этому миру, который тем самым превращается в независимый мир объектов, вещей и событий, включая и сам язык как средство коммуникации. Язык становится частью «объективной действительности», а лингвисты продолжают искать критерии, по которым можно было бы определить значение различных типов слов, тоже находящихся «где-то там». Такой взгляд характерен для философского реализма, основанного на вере в то, что объекты существуют в действительности независимо от того, что мы, интенциональные субъекты, думаем о них, а также в то, что задача «настоящей» науки состоит в изучении этих «объектов» и раскрытии универсальных истин о независимо существующем мире, которые затем «выражаются» в языке (см. остроумную критику понимаемой таким образом науки в статье (Cooke, 2016)).

Многочисленные разновидности реализма объединяет идея о том, что «реальная действительность» (имеющееся положение вещей в мире объектов) существует независимо от наблюдателя с его верованиями, языковыми привычками, концептуальными схемами и т. п., то есть что она не является плодом воображения или предположения (Button,

2013). Другими словами, объективные реалисты прибегают к способу рассуждения «с точки зрения Бога» (Putnam, 1981, с. 49). Например, наивный реализм основан на убеждении, что наши органы чувств позволяют нам напрямую знать о существовании объектов как они есть и что свойства этих объектов не зависят от того, являются они объектами наблюдения или нет. При таком подходе все то, что мы знаем об объектах в мире и их свойствах, также предстает как независящее от субъекта познания.

В противоположность реалистам радикальные конструктивисты исходят из того, что знание не дается нам через восприятие посредством органов чувств. Скорее, оно конструируется в ходе языковых взаимодействий между людьми как структурно детерминированными организмами² в консенсуальной области: «То, что мы обычно называем “действительностью”, представляет собой не имеющий конца результат консенсуальных процессов, зависящих от наблюдателя» (Kennu, 1997, p. 111; перевод мой. — А. К.). Эти консенсуальные процессы определяют социальный характер и ориентирующую природу языка как координации координаций поведения, которое зависит от предоставляемых средой возможностей в виде описаний, производимых нами в языке: языковое поведение как часть динамической системы «организм-среда», налагает ограничения на наше интерактивное поведение как когнитивных систем в консенсуальной области.

Реалисты, взявшие на вооружение кодовую модель языка (Kravchenko, 2007), могут утверждать, что индивидам свойственна «автономность в целенаправленном конструировании собственных личных значений по своему усмотрению» (Cariani, 2020, p. 158; перевод мой. — А. К.) — и это как раз то, что делал Шалтай-Болтай в своем известном споре с Алисой: «Когда я использую слово... оно означает именно то, что я выбрал для его значения — ни больше, ни меньше». Однако использование философии языка в духе Шалтая-Болтая не может служить руководящим принципом в научных исследованиях. Если бы этот принцип стал применяться в социальных взаимодействиях, определяющих человеческую практику, произносимые людьми в их диалогических взаимодействиях слова утратили бы способность налагать определенные ограничения на наше координированное поведение как живых систем, поддерживая неразрывную связь между языком и жизнью человека, существующего в языке (Di Paolo, Cuffari, De Jaegher, 2018). Именно потому, что такая философия языка прочно вошла в практику многих гуманитарных (в отличие от естественных) наук, им часто отказывают в статусе настоящих наук, и лингвистика в этом смысле не является исключе-

² Структурно детерминированная система — это система, «в которой и с которой все, что происходит, есть следствие ее структурной динамики, и в которой ничто, являющееся внешним по отношению к ней, не может специфицировать происходящие в ней процессы, но может только провоцировать изменения в ее структуре, детерминированные ее структурой» (Maturana, 2000, p. 461; перевод мой. — А. К.).

нием: «Несмотря на всю техническую терминологию, лингвистика — не наука. Остается сожалеть, что сама дисциплина не имеет другого названия» (Finch, 2003, p. 1; перевод мой. — А. К.).

3. Язык и разум

Реалисты подходят к свойству разумности (сознанию) как к данности, определяющей человека в качестве биологического вида, чего-то предопределенного биологически, на генетическом уровне (Pinker, 1995). Такой подход является неизбежным следствием инструменталистского взгляда на язык как «средство для упаковки мыслей» (Evans, 2015, с. 3), порождая проблему соотношения языка и сознания (Kravchenko, 2009б), которую когнитивная наука мейнстрима решить не в состоянии. Как показывают многочисленные примеры так называемых диких детей, подробно описанные в литературе (см., напр., (Curtiss, 1977)), наша способность становиться разумными существами в полном смысле этого слова не столько предопределена, сколько представляет собой потенциальную предрасположенность: исключение ребенка из языковой среды на раннем этапе развития на длительный срок, включая «критический возраст» полового созревания, приводит к тому, что даже при возвращении в человеческое общество такой ребенок не способен стать его полностью функциональным членом, не достигая необходимого для этого уровня интеллектуального развития. Естественно, возникает вопрос о том, почему этого не происходит, если разумность является врожденным свойством, и какую роль языковая среда играет в когнитивном развитии человека.

Эту роль хорошо понимал М. Хайдеггер, назвавший язык «домом нашего бытия». Однако это тот дом, за пределы которого мы не можем выйти, даже если бы захотели. Язык интерпретативно конечен — нет ничего, кроме языка, с помощью чего мы могли бы говорить о языке: его невозможно рассматривать, обсуждать или анализировать из пункта наблюдения, находящегося вне пределов самого языка (Love, 2007). Другими словами, мы находимся в эпистемологической ловушке языка, и это обстоятельство ускользает от внимания реалистов, рассуждающих о мире в терминах «объективной реальности» и, соответственно, о «модусах реальности», представленных в высказывании или тексте (Глазков, 2018). Чтобы вырваться из этой ловушки, необходимо совершить концептуальный прыжок от «независящей от наблюдателя действительности» к «зависящей от наблюдателя действительности» (Maturana, 1985, p. 311). Мы конструируем «объективную реальность» в когнитивной области языка как интерактивного поведения, являющегося описанием наших взаимодействий с миром, не осознавая при этом, что «реальность, понимаемая как вселенная, состоящая из независимых сущностей, о которых мы можем вести речь, — это по необходимости фикция, принадлежащая чисто *описательной* области, и что фактически понятие реальности мы должны применять по отношению именно к

этой области *описаний*, в которой мы как *описывающая* система взаимодействуем с нашими описаниями, как если бы они были независимыми сущностями» (Maturana, 1970, p. 24; перевод Е. А. Мешанина).

Человеческая разумная способность не является неким качеством, присущим мозгу: нервная система расширяет когнитивную область живой системы, делая возможными взаимодействия с «чистыми отношениями», но она не порождает когниции (Maturana, 1970). В нервной системе нет такой вещи, как «сознание», а «самосознание суть образ жизни с другими в реляционной области, образуемой языковой деятельностью, и как таковое возникает при участии нервной системы, вовлеченной в порождение поведенческой реляционной динамики организма-среды» (Maturana, Mpodozis, Letelier, 1995, p. 15; перевод мой. — А. К.). От когниции других животных человеческую когницию отличает наша языковая способность, или способность к абстракции первого порядка, — принятию в расчет при своих адаптивных взаимодействиях со средой и другими людьми того, что не дано в непосредственном восприятии; именно эту связь языка с восприятием подчеркивал в свое время Ч. Моррис (Morris, 1938). Операции над абстракциями первого порядка создают биологическую (нейрофизиологическую) основу для абстрактного мышления как взаимодействий с «чистыми отношениями». Эта способность радикальным образом усиливается с появлением письма как операций над абстракциями второго порядка: данная в восприятии графическая репрезентация слова должна быть соотнесена с отсутствующим в текущем восприятии «живым» словом как знаком, указывающим, благодаря имеющемуся у читателя опыту говорящего-наблюдателя, на нечто, отсутствующее в потенциальной ситуации диалогического взаимодействия.

Овладение навыками чтения, а затем и письма — важный шаг в когнитивном развитии индивида. По мере своего формирования и устойчивого закрепления эти навыки позволяют человеческой памяти избавляться от непомерного когнитивного груза, вызванного необходимостью поддерживать в состоянии постоянной активности обеспечивающие ее нейронные ансамбли. Этот груз человек «сбрасывает» на материальные артефакты, с которыми в дальнейшем может взаимодействовать его собственное когнитивное «Я». Благодаря таким взаимодействиям, представляющим собой новое средство конструирования мыслительных процессов, когнитивные способности человека радикально преобразуются. Письмо перестает быть просто инструментом для мысли (Nickerson, Perkins, Smith, 1985), оно становится *способом мышления* (Menary, 2007). Когнитивная динамика чтения и письма преобразует язык как когнитивную область взаимодействий; в результате возникает новый способ мышления, основанный на опыте интерпретации письменных знаков как абстрактных символов. Абстрактное мышление и манипулирование символами специфицируют человеческую культуру как реляционную область, которой нет у других животных, способных к языковому семиозису.

Отождествление функции языка — интерактивного диалогического поведения в консенсуальной области — с коммуникацией ведет к тому, что язык начинает рассматриваться как коммуникация, а коммуникация — как язык. Как только это происходит и именно потому, что коммуникация как интерактивное поведение не является исключительно человеческой способностью, в окололингвистическом научном дискурсе появляется и начинает циркулировать понятие «язык животных» и утверждается «языковая метафора жизни» (Cowley, Markoš, 2019). Приверженцы этой метафоры видят связь между языком-как-коммуникацией и жизнью вообще и говорят о возможности изучения межвидового участия в такой коммуникации в частности (например, общение с помощью языка между человеком и шимпанзе, человеком и собакой и т. п.). Другими словами, в определенных (и отнюдь не малочисленных) научных кругах бытует мнение, что человек — не единственный биологический вид, оперирующий символами.

Как уже было сказано, я не ставлю под сомнение неразрывность связи между человеческой жизнью и языком. Напротив, я рассматриваю язык как биологически функциональное поведение, уникальным образом характеризующее экологическую нишу³ человека, этим поведением образуемую (Kravchenko, 2016). Как подчеркивал в свое время В. Вернадский, «человек, как и все живое, не является самодовлеющим, независимым от окружающей среды природным объектом. Однако даже ученые-натуралисты в наше время, противопоставляя человека и живой организм вообще среде их жизни, очень нередко этого не учитывают. Но неразрывность живого организма с окружающей средой не может сейчас возбуждать сомнений у современного натуралиста» (Вернадский, 1989, с. 180). Вместе с тем я отношусь крайне скептически к разговорам о возможности участия в языковых взаимодействиях представителей разных биологических видов и, соответственно, к разговорам о каких бы то ни было гипотетических последствиях такой возможности.

Существует обширная литература, в которой описываются эксперименты по выявлению у различных видов животных когнитивных способностей, сопоставимых с когнитивными способностями человека. Широкую известность получили исследования, проводившиеся с карликовым шимпанзе по имени Канзи (Savage-Rumbaugh, Lewin, 1994), серым попугаем по имени Алекс (Pepperberg, 2002), бордер-колли по имени Чейзер (Pillely, Hinzmann, 2013) и др., которые в результате длительных тренировок научались «понимать» работавших с ними исследователей, а в случае с Алексом даже «говорить». Это позволяет некоторым ученым утверждать, что мозг животного способен мыслить символами (то есть абстрактно) и пользоваться языком — при условии, что с раннего возраста им уделяют много внимания, как это делают родители в отношении своих детей (Cariani, 2020).

Однако успехи этих и других должным образом натренированных животных в общении с людьми вряд ли можно всерьез рассматривать

³ Под «нишей» в данном случае подразумевается не столько где живет человек говорящий, *Homo loquens*, сколько **как** он живет, то есть речь идет о способе его существования (Gibson, 1979).

как свидетельство человекоподобных умственных способностей. Безусловно, это высокоорганизованные животные, обнаруживающие системную когницию высокого уровня, но, хотя у них довольно развитый мозг, они не могут говорить: они лишены дара речи. Сама же идея, что другие виды животных, помимо человека, способны к абстрактному мышлению, уходит своими корнями в распространенное мнение, поддерживаемое когнитивной наукой мейнстрима, что сознание и язык — это отдельные феномены, явления, так сказать, разного порядка. Это заблуждение проистекает из нежелания или неспособности применить системный подход к языку как биологическому адаптивному механизму, этому решающему фактору в развитии нашего вида как в фило-, так и в онтогенезе: «Случайности эволюции, приведшие человека к созданию разговорного языка... являются человекоспецифичными» (Maturana, 1978, p. 13; перевод мой. — А. К.). Языковой семиозис, лежащий в основании языка как видоспецифичного поведения человека — это тот биологический фундамент, на котором зиждется наша человечность в мире живого. Мы — языковые организмы (Jennings, Thompson, 2012), и мы становимся языковыми существами и живем в этом качестве в реляционной области языковых взаимодействий с другими и с самим собой. Реляционная область языка — это то, что отличает системное (когнитивное) поведение человеческого общества как живой системы от других живых систем (Bunnell, 2020). Язык делает нас экологически особенными (Ross, 2007).

При системном подходе язык в обоих своих измерениях — как кооперативная адаптивная деятельность (диалогическая речь) и как эволюционный артефакт (письмо) — предстает биосоциокультурной средой, решающим образом определяющей развитие человека. Поскольку человек — социальное существо, когнитивное развитие индивида невозможно вне общества как живой системы более высокого порядка, а единство этой системы поддерживается языковыми взаимодействиями между отдельными особями как компонентами этой системы; эти взаимодействия интегрированы в когнитивные процессы, протекающие в отдельных организмах (Schilhab, 2015). Образуя реляционную область, в которой индивиды и общество развиваются как когнитивные системы, языковые взаимодействия в экспериенциально различных областях речи и письма (Kravchenko, 2009в) становятся той главной чертой, которая определяет человека говорящего как совершенно особый биологический вид (Fry, 1977). Системный подход к человеку как живому организму основан на понимании того, что язык — это биологически, социально и экологически регулируемое интерактивное поведение как способ существования, эволюционно обуславливающий появление и развитие человеческого интеллекта.

4. Человек и мир

В рамках биологического подхода к когниции человеческое общество представляет собой живую систему третьего порядка; эта система состоит из отдельных особей как живых систем второго порядка

(Kravchenko, 2014), которые развиваются и существуют в когнитивной области языка — конструируемой ими самими нише (Sinha, 2015). Развитие и существование обоих видов систем взаимно детерминируется в реляционной (семиотической) области координаций интерактивного поведения — языковых взаимодействий, а «эволюция живых систем — это эволюция ниш единств взаимодействий, определяемых самореферентной круговой организацией этих единств, следовательно, это эволюция когнитивных областей» (Maturana, 1970, p. 4; перевод Ю.Е. Мешанина). Именно в этой области мы эволюционируем как наблюдатели, способные проводить в языке различия между наблюдаемым, нишей и окружающей средой, конструируя то, что мы называем «миром».

Чтобы понять мир, необходимо понять языковой семиозис как биологически функциональный процесс — ведь именно благодаря ему мы представляем собой уникальный биологический вид, *Homo sapiens*. Это невозможно сделать в рамках традиционной сосюрговской семиологии, но становится возможным, если интегрировать научную семиотику Ч. Пирса с биологией языка У. Матураны и эпистемологией радикального конструктивизма. Такая интеграция открывает путь к синтезу идей из разных научных областей, связанных с исследованием природы и функции языка как способности, характеризующей человека как живую систему. А концептуальный синтез — это как раз то, чего так не хватает гуманитарным наукам, находящимся под гипнозом аналитической философии. Для этой философии характерен подход к изучению естественного языка, основанный на разработке сложных процедур анализа в терминах формальной логики и математики, применяемых к языковым формам как средствам выражения различных типов значения, равно как и к условиям, необходимым и достаточным для того, чтобы языковые выражения о чем-то были истинными или ложными. Цель аналитической философии — обнаружить то, что является «истинным», а не дать полезный рецепт того, как прожить свою собственную жизнь (Soames, 2003).

Природу языка как жизненной деятельности человека нельзя понять, используя формальный подход, поскольку при таком подходе не принимаются в расчет экологические, экспериенциальные, поведенческие, перцептуальные и когнитивные измерения интерактивного поведения человека (Raimondi, 2019). Упуская из виду тот факт, что люди относятся к определенному биологическому виду и что отличающие их от других видов характерные особенности необходимо объяснять с точки зрения биологии как «матери всего многообразия» (Givón, 2009), лингвисты-реалисты продолжают изобретать, разрабатывать и предлагать новые теории языка как более близкие к «истине», чем уже существующие теории. Однако смысл жизни состоит не в том, чтобы выяснить, является нечто истинным или ложным, особенно учитывая тот факт, что понятие истины (в корреспондентной теории истины) как того, что соответствует факту или действительности, — как и всякое другое понятие, включая и само понятие «понятие», — представляет собой продукт интерпретации наблюдателем собственного переживае-

мого опыта в языке как семиотической деятельности, образующей когнитивную нишу человека. И сам процесс языкового семиозиса, и языковые знаки как проявления этого процесса непрерывно порождают, поддерживают и усложняют специфическую нишу, которую формируют и занимают человеческие организмы. Эту нишу можно рассматривать как набор аффордансов (Gibson, 1979) – возможностей, предоставляемых человеку реляционной областью языковых взаимодействий как той динамичной средой, в которой человек действует значимо для себя и других. В зависимости от того, какой ориентирующий эффект эти возможности оказывают на способность живой системы поддерживать свою целостность как единства взаимодействий, они приобретают ценность, которая может быть положительной, нейтральной или отрицательной. Эти ценности, в свою очередь, начинают выступать в роли ограничений, налагаемых на когнитивную динамику человеческого организма в его возможных взаимодействиях с собой и другими в реляционной области языка. Так языковые паттерны (вокализации) и модели языкового поведения становятся ценностными ориентирами, задавая экзистенциальные векторы в когнитивном развитии человека и общества.

В то время как семиозис лежит в основании жизни в целом (Kull, 2007), языковой семиозис – это то, что находится в основании человечности (Kravchenko, 2020b; 2021). Невозможно понять природу человеческой когниции вне и без языкового семиозиса как эволюционного источника разумности. Понимание этого чрезвычайно важно не только для междисциплинарного проекта когнитивной науки, но и для широкого спектра устоявшихся областей институционализированной общественной практики, в первую очередь образования.

Катастрофическая ситуация, которая сегодня сложилась в образовании в развитых странах (Kravchenko, Raupena, 2017), во многом вызвана тем, что общество (а точнее, та его часть, которая профессионально занимается изучением различных аспектов феномена человека, то есть академическое сообщество гуманитариев) никак не может уйти от кодовой модели языка и философского дуализма в попытках ответить на главные эпистемологические вопросы: что такое знание, что такое познание (когниция) и что такое человек познающий (*Homo cogitans*). Из поколения в поколение передается искаженный взгляд на природу языка и его роль в эволюционном развитии человека; в результате игнорируется неразрывная связь между языком и жизнью – как на уровне индивида, так и на уровне общества, что приводит ко многим негативным последствиям не только локального, но и глобального характера. Это происходит потому, что, будучи экологически особенным, человек оказывается не готовым признать свою ответственность за благополучие мира живого в целом (Kravchenko, 2019).

Противопоставление человека (как субъекта познания) миру (как не зависящему от человека объекту познания) порождает потребительское отношение к миру, в котором все со всем взаимосвязано. В неумном стремлении приспособить мир под свои сиюминутные нужды, изменяя

и преобразая его множеством изобретательных способов, человек не хочет задуматься над тем, какие обязательства перед миром накладывает на него статус «царя природы», равно как и над тем, благодаря чему он оказался на этом «троне». Человек не хочет познать самого себя — точнее, он не в состоянии этого сделать до тех пор, пока не поймет свое место и роль в мире живого. Чтобы понять человека как живое существо, отличное от всех других известных животных, необходимо осознать, что делают люди и почему они это делают как живые системы (Mitchell, 2017, р. 6), являющиеся компонентами живых систем более высокого уровня организации — человеческих сообществ. Мы познаем себя лишь тогда, когда сможем объяснить, что такое язык и что он делает с нами и для нас как для социально организованного биологического вида — неотделимой части мира, в котором мы не только существуем, но который мы буквально созидаем силой нашего Логоса, потому что *в начале было Слово*.

Список литературы

- Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М., 1989.
- Глазков А.В. Модус реальности: определение, таксономия, признаки // Преподаватель XXI век. 2018. №3-2. С. 315—332.
- Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб., 2005.
- Кошелев А.Д. Современная теоретическая лингвистика как вавилонская башня (о «мирном» сосуществовании множества несовместимых теорий языка) // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2013. Т. 72, № 6. С. 3—22.
- Кравченко А. В. Когнитивная лингвистика и новая эпистемология (к вопросу об идеальном проекте языкознания) // Известия АН. Сер. литературы и языка. 2001. Т. 60, №5. С. 3—13.
- Кравченко А.В. Проблема метода в когнитивной науке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 28—35.
- Кравченко А.В. О традициях, языкознании и когнитивном подходе // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сб. ст. в честь Е.С. Кубряковой / отв. ред. Н.К. Рябцева. М., 2009. С. 51—65.
- Кравченко А.В. К обоснованию идеального проекта лингвистики: интеграция языка, семиотики и биологии // Гуманитарные чтения РГГУ — 2012: сб. матер. / отв. ред. Е.И. Пивовар. М., 2013а. С. 285—294.
- Кравченко А.В. Биологическая реальность языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013б. № 1. С. 55—63.
- Кравченко А.В. От языкового мифа к биологической реальности: переосмысля познавательные установки языкознания. М., 2013в.
- Кравченко А.В. Объективный реализм и биология познания: эпистемологический поворот // Гуманитарные чтения РГГУ — 2014: сб. матер. / отв. ред. Е.И. Пивовар. М., 2015а. С. 697—709.
- Кравченко А.В. О предметной области языкознания // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика : сб. ст. / сост. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев. М., 2015б. С. 155—172.
- Кравченко А.В. Эпистемологическая ловушка языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 3 (41). С. 14—26.
- Кравченко А.В. Язык и экология человека: от картезианской лингвистики к эколлингвистике // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 4 (1). С. 20—31.

Kravchenko A.V. Открывая язык заново: От нереалистичной лингвистики к реальной науке о языке. От структурализма и когнитивизма – к экологическому реализму (Новая повестка дня в языкознании). М., 2021.

Bunnell P. Reflections on languaging // *Constructivist Foundations*. 2020. Vol. 15, № 2. P. 152–155.

Button T. The limits of realism. Oxford, 2013.

Cariani P. In defense of biosemiotics // *Constructivist Foundations*. 2020. Vol. 15, № 2. P. 155–158.

Cooke M. The elephant in the room: Communication, chaos and the translation of truth // J. Richter, C. Zwischenberger, S. Kremmel, K.-H. Spitzl (eds.). (Neu-)Kompositionen. Aspekte transkultureller Wissenschaft. Berlin, 2016. P. 59–76.

Cowley S.J., Markoš A. Evolution, lineages and human language // *Language Sciences*. 2019. Vol. 71. P. 8–18.

Curtiss S. Genie: A psycholinguistic study of a modern-day «wild child». N. Y., 1977.

Damasio A. Descartes' error: Emotion, reason, and the human brain. N. Y., 1994.

Di Paolo E.A., Cuffari E.C., De Jaegher H. Linguistic bodies: The continuity between life and language. Cambridge, MA, 2018.

Evans V. The crucible of language: How language and mind create meaning. Cambridge, 2015.

Finch G. How to study linguistics: A guide to understanding language. 2nd ed. Basingstoke, 2003.

Foerster H. von. Notes on an epistemology for living things. BCL Report No. 9.3 (BCL Fiche No. 104/1). Urbana, 1972.

Fry D. Homo loquens: Man as a talking animal. Cambridge, 1977.

Gibson J. The ecological approach to visual perception. Boston, MA, 1979.

Givón T. The genesis of syntactic complexity: Diachrony, ontogeny, neuro-cognition, evolution. Amsterdam, Philadelphia John Benjamins, 2009.

Glaserfeld E. von. Radical constructivism: A way of knowing and learning. L., 1995.

Jennings R.E., Thompson J.J. The biological centrality of talk // A.V. Kravchenko (ed.). Cognitive dynamics in linguistic interactions. Newcastle upon Tyne, 2012. P. 33–63.

Kenny V. Constructivism – everybody has won and all must have prizes! // *Transactional Analysis Journal*. 1997. Vol. 27, № 2. P. 110–117.

Kravchenko A.V. Cognitive linguistics, biology of cognition, and biosemiotics: bridging the gaps // *Language Sciences*. 2006. Vol. 28, № 1. P. 51–75.

Kravchenko A.V. Essential properties of language, or, why language is not a code // *Language Sciences*. 2007. Vol. 29, № 5. P. 650–671.

Kravchenko A.V. Biology of cognition and linguistic analysis: From non-realist linguistics to a realistic language science. Frankfurt/Main etc., 2008.

Kravchenko A.V. Reassessing the project of linguistics // J. Zlatev, M. Andrén, M.J. Falck, C. Lundmark (eds.). Studies in language and cognition. Newcastle upon Tyne, 2009a. P. 27–42.

Kravchenko A.V. Language and mind: A bio-cognitive view // H. Götzsche (ed.). Memory, mind and language. Newcastle upon Tyne, 2009b. P. 103–24.

Kravchenko A.V. The experiential basis of speech and writing as different cognitive domains // *Pragmatics & Cognition*. 2009b. Vol. 17, no 3. P. 527–548.

Kravchenko A.V. How Humberto Maturana's biology of cognition can revive the language sciences // *Constructivist Foundations*. 2011. Vol. 6, № 3. P. 352–362.

Kravchenko A.V. Human autopoiesis? // *Constructivist Foundations*. 2014. Vol. 9, № 2. P. 177–179.

Kravchenko A. V. Language as human ecology: A new agenda for linguistic education // *New Ideas in Psychology*. 2016. № 42. P. 14–20.

Kravchenko A. V. On elephants in linguistics // M. En (ed.). *Truths, trust and translation: A festschrift, love letter and thank you to Michèle Cooke*. Frankfurt/Main, 2020. P. 11–16.

Kravchenko A. V. Approaching linguistic semiosis biologically: implications for human evolution // *Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio*. 2021. Vol. 15, № 2. P. 139–158.

Kravchenko A. V., Payunena M. V. Education: a value lost? // Dudziak A., Orzechowska J. (red.). *Język i tekst w ujęciu strukturalnym i funkcjonalnym*. Olsztyn, 2017. P. 239–246.

Kull K. Biosemiotics and biophysics: The fundamental approaches to the study of life // M. Barbieri (ed.). *Introduction to biosemiotics*. Dordrecht, 2007. P. 167–177.

Kuhn T. *The structure of scientific revolutions*. Chicago, 1962.

Love N. Are languages digital codes? // *Language Sciences*. 2007. Vol. 29, № 5. P. 690–709.

Maturana H. R. *Biology of cognition*. Biological Computer Laboratory (BCL) Research Report BCL 9.0. University of Illinois, Urbana IL, 1970.

Maturana H. R. *Biology of language: The epistemology of reality* // G. Miller, E. Lenneberg (eds.). *Psychology and biology of language and thought: Essays in honor of Eric Lenneberg*. N. Y., 1978. P. 27–63.

Maturana H. R. Comment by Humberto R. Maturana: The mind is not in the head // *Journal of Social and Biological Structures*. 1985. Vol. 8, № 4. P. 308–311.

Maturana H. R. The nature of the laws of nature // *Systems Research and Behavioral Science*. 2000. Vol. 17, № 5. P. 459–468.

Maturana H. R., Mpodozis J., Letelier J. C. Brain, language and the origin of human mental functions // *Biological Research*. 1995. Vol. 28, № 1. P. 15–26.

Menary R. Writing as thinking // *Language Sciences*. 2007. Vol. 29, № 5. P. 621–632.

Mitchell K. What are “the laws of biology”? // *The Biologist*. 2017. Vol. 64, № 6. P. 6.

Morris C. W. *Foundations of the theory of signs* // O. Neurath, R. Carnap, C. W. Morris (eds.). *International encyclopedia of unified science*. Vol. 1, part 2. Chicago, 1938. P. 1–59.

Nickerson R. S., Perkins D. N., Smith E. E. *The teaching of thinking*. Hillsdale, NJ, 1985.

Pepperberg I. M. Cognitive and communicative abilities of grey parrots // *Current Directions in Psychological Science*. 2002. Vol. 11, № 3. P. 83–87.

Pilley J. W., Hinzmann H. *Chaser: Unlocking the genius of the dog who knows a thousand words*. Boston, 2013.

Pinker S. *The language instinct: How the mind creates language*. N. Y., 1995.

Putnam H. *Reason, truth and history*. Cambridge, 1981.

Raimondi V. The bio-logic of languaging and its epistemological background // *Language Sciences*. 2019. Vol. 71. P. 19–26.

Ross D. H. sapiens as ecologically special: What does language contribute? // *Language Sciences*. 2007. Vol. 29, № 5. P. 710–731.

Saussure F. de. *Cours de linguistique générale*. P., 1916.

Savage-Rumbaugh S., Lewin R. *Kanzi: the ape at the brink of the human mind*. N. Y., 1994.

Schilhab T. Words as cultivators of other minds // *Frontiers in Psychology*. 2015. № 6. doi: 10.3389/fpsyg.2015.01690.

Sinha C. Language and other artifacts: socio-cultural dynamics of niche construction // *Frontiers in Psychology*. 2015. № 6. doi: 10.3389/fpsyg.2015.01601.

Soames S. *The dawn of analysis*. Princeton, 2003.

Stewart J., Gapenne O., Di Paolo E. A. (eds.). *Enaction: Toward a new paradigm for cognitive science*. Cambridge, MA, 2011.

Varela F. J., Thompson E., Rosch E. *The embodied mind: Cognitive science and human experience*. Cambridge, MA, 1991.

Об авторе

Александр Владимирович Кравченко, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия.

E-mail: KravchenkoAV@bgu.ru

ORCID: 0000-0001-6300-0540

Для цитирования:

Кравченко А. В. Язык и природа человечности (приглашение к дискуссии) // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. Т. 13, № 3. С. 7–24. doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-1.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

LANGUAGE AND THE NATURE OF HUMANNESS (INVITATION TO A DISCUSSION)

A. V. Kravchenko

Baikal State University, 11 Lenin St., Irkutsk, 664003, Russia

Submitted on November 10, 2021

doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-1

The article invites the reader to contemplate what impedes further development of language science which is currently in a state of stagnation. This crisis is caused by the inadequate methodology used in linguistic research. It defines the paradigm of so-called 'normal' science, which suppresses innovation. The dualistic philosophy of external realism continues to be the epistemological foundation of 'normal' linguistics, and neither mainstream cognitive science nor cognitive linguistics has been able to break away from it. The author argues that a new, constructivist epistemology is capable of overcoming the crisis and could give a new impetus to further development of language science. This calls for abandoning the traditional view of language as a tool used for the expression and transfer of thoughts. Instead, researchers should use a systems approach to linguistic semiosis as a biological adaptation, which is the organizational basis of humans as living systems at both individual and social levels. Linguistic semiosis is an evolutionary stage in the development of Homo sapiens. Establishing the functional role of linguistic semiosis in systemic cognition as a socially organized living system whose unity is ensured and sustained by its circular (self-referential) organization in the relational domain of language, calls for a radical revision of the extant views on the relationship between language and mind, language and cognition, and language and consciousness. An ecological approach to language assumes that the cognitive dynamics of humans as living systems consists in the adaptive interactional behaviour in the relational domain of linguistic interactions. This domain constitutes the ecological niche of humans as organism-environment systems. It is in this continuously self-constructed human niche that the uniquely human power to reasoning (intelligence) emerges and develops. Humanness rests in language as the creative beginning of the world in which we exist as organisms capable of speech.

Keywords: dualism, realism, constructivism, linguistic semiosis, living system, cognition, ecological niche, intelligence

References

- Bunnell, P., 2020. Reflections on languaging. *Constructivist Foundations*, 15 (2), pp. 152–155.
- Button, T., 2013. *The Limits of Realism*. Oxford.
- Cariani, P., 2020. In defense of biosemiotics. *Constructivist Foundations*, 15 (2), pp. 155–158.
- Cooke, M., 2016. The elephant in the room: Communication, chaos and the translation of truth. In: J. Richter, C. Zwischenberger, S. Kremmel and K.-H. Spitzl, eds. *(Neu-)Kompositionen. Aspekte transkultureller Wissenschaft*. Berlin, pp. 59–76.
- Cowley, S.J. and Markoš, A., 2019. Evolution, lineages and human language. *Language Sciences*, 71, pp. 8–18.
- Curtiss, S., 1977. *Genie: A psycholinguistic study of a modern-day "wild child"*. New York.
- Di Paolo, E. A., Cuffari, E. C. and De Jaegher, H., 2018. *Linguistic Bodies: The continuity between life and language*. Cambridge, MA.
- Evans, V., 2015. *The Crucible of Language: How language and mind create meaning*. Cambridge.
- Finch, G., 2003. *How to Study Linguistics: A guide to understanding language*. 2nd ed. Basingstoke.
- Foerster, H. von, 1972. *Notes on an epistemology for living things*. BCL Report No. 9.3 (BCL Fiche No. 104/1). Biological Computer Laboratory, Department of Electrical Engineering, University of Illinois, Urbana.
- Fry, D., 1977. *Homo loquens: Man as a talking animal*. Cambridge.
- Gibson, J., 1979. *The Ecological Approach to Visual Perception*. Boston, MA.
- Givón, T., 2009. *The Genesis of Syntactic Complexity: Diachrony, ontogeny, neuro-cognition, evolution*. Amsterdam; Philadelphia.
- Glaserfeld, E. von, 1995. *Radical Constructivism: A way of knowing and learning*. London.
- Glazkov, A. V., 2018. Mode of Reality: Definition, Taxonomy, Features. *Prepodavatel XXI vek [The Teacher XXI century]*, 3–2, pp. 315–332 (in Russ.).
- Jennings, R.E. and Thompson, J.J., 2012. The biological centrality of talk. In: A. V. Kravchenko, ed. *Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions*. Newcastle upon Tyne, pp. 33–63.
- Kenny, V., 1997. Constructivism – everybody has won and all must have prizes! *Transactional Analysis Journal*, 27 (2), pp. 110–117.
- Kibrik, A. E., 2005. *Konstanty i peremennye yazyka [Constants and Variables in Language]*. St. Petersburg (in Russ.).
- Koshelev, A. D., 2013. Modern linguistic theory as the Tower of Babel (Can numerous antagonistic linguistic theories peacefully coexist). *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]*, 72(6), pp. 3–22 (in Russ.).
- Kravchenko, A. V. and Payunena, M. V., 2017. Education: a value lost? In: A. Dudziak and J. Orzechowska, ed. *Język i tekst w ujęciu strukturalnym i funkcjonalnym*. Olsztyn, pp. 239–246.
- Kravchenko, A. V., 2001. Cognitive linguistics and the new epistemology (On the ideal project of linguistics) *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]*, 60 (5), pp. 3–13 (in Russ.).
- Kravchenko, A. V., 2006. Cognitive linguistics, biology of cognition and biosemiotics: Bridging the gaps. *Language Sciences*, 28 (1), pp. 51–75.

Kravchenko, A. V., 2007. Essential properties of language, or, why language is not a code. *Language Sciences*, 29 (5), pp. 650–671.

Kravchenko, A. V., 2007. The problem of method in cognitive science. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 4, pp. 28–35 (in Russ.).

Kravchenko, A. V., 2008. *Biology of Cognition and Linguistic Analysis: From non-realist linguistics to a realistic language science*. Frankfurt a/M; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien.

Kravchenko, A. V., 2009. On tradition, linguistics, and the cognitive approach. In: N. K. Riabtseva, ed. *Gorizonty sovremennoi lingvistiki: traditsii i novatorstvo* [The Horizons of Modern Linguistics: Tradition and innovation]. Moscow, pp. 51–65 (in Russ.).

Kravchenko, A. V., 2009a. Reassessing the project of linguistics. In: J. Zlatev, M. Andrén, M. J. Falck and C. Lundmark, eds. *Studies in Language and Cognition*. Newcastle upon Tyne, pp. 27–42.

Kravchenko, A. V., 2009b. Language and mind: A bio-cognitive view. In: H. Götzsche, ed. *Memory, Mind and Language*. Newcastle upon Tyne, pp. 103–124.

Kravchenko, A. V., 2009c. The experiential basis of speech and writing as different cognitive domains. *Pragmatics & Cognition*, 17 (3), pp. 527–548.

Kravchenko, A. V., 2011. How Humberto Maturana's Biology of Cognition Can Revive the Language Sciences. *Constructivist Foundations*, 6 (3), pp. 352–362.

Kravchenko, A. V., 2013a. On grounding the ideal project of linguistics: integrating language, semiotics, and biology. In: E. I. Pivovarov, ed. *Gumanitarnye chteniya RGGU – 2012* [The RGGU readings in the humanities – 2012]. Moscow, pp. 285–294 (in Russ.).

Kravchenko, A. V., 2013b. The biological reality of language. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 1, pp. 55–63 (in Russ.).

Kravchenko, A. V., 2013c. *From the Language Myth to Biological Reality: Reassessing the epistemological assumptions of linguistics*. Moscow (in Russ.).

Kravchenko, A. V., 2014. Human autopoiesis? *Constructivist Foundations*, 9 (2), pp. 177–179.

Kravchenko, A. V., 2015a. External realism and biology of cognition: the epistemological turn. In: E. I. Pivovarov, ed. *Gumanitarnye chteniya RGGU – 2014* [The RGGU readings in the humanities – 2014]. Moscow, pp. 697–709 (in Russ.).

Kravchenko, A. V., 2015b. On the subject matter of linguistics. In: *Language and thought: Contemporary cognitive linguistics*. Moscow, pp. 155–172 (in Russ.).

Kravchenko, A. V., 2016. Language as human ecology: A new agenda for linguistic education. *New Ideas in Psychology*, 42, pp. 14–20.

Kravchenko, A. V., 2016. The epistemological trap of language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 3 (41), pp. 14–26 (in Russ.).

Kravchenko, A. V., 2019. Language and human ecology: from Cartesian linguistics to ecolinguistics. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], 4 (1), pp. 20–31 (in Russ.).

Kravchenko, A. V., 2020b. On elephants in linguistics. In: M. En, ed. *Truths, Trust and Translation: A festschrift, love letter and thank you to Michèle Cooke*. Frankfurt a/M, pp. 11–16.

Kravchenko, A. V., 2021. Approaching linguistic semiosis biologically: implications for human evolution. *Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio*, 15 (2), pp. 139–158.

Kravchenko, A. V., 2021. *Otkryvaya yazyk zanovo. Ot nerealistichnoi lingvistiki k real'noi nauke o yazyke. Ot strukturalizma i kognitivizma k ekologicheskomu realizmu: no-*

vaya povestka dnya v yazykoznanii [Rediscovering Language: From non-realist linguistics to a realistic language science. From structuralism and cognitivism to ecological realism. (A new agenda in linguistics)]. Moscow (in Russ.).

Kravchenko, A. V., 2020a. Author's response: Codes, interpretation, meaning: Why language matters. *Constructivist Foundations*, 15 (2), pp. 159–163.

Kuhn, T., 1962. *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago.

Kull, K., 2007. Biosemiotics and biophysics: The fundamental approaches to the study of life. In: M. Barbieri, ed. *Introduction to Biosemiotics*. Dordrecht, pp. 167–177.

Love, N., 2007. Are languages digital codes? *Language Sciences*, 29 (5), pp. 690–709.

Maturana, H.R., 1970. Biology of cognition. *Biological Computer Laboratory (BCL) Research Report BCL 9.0*. University of Illinois, Urbana, IL.

Maturana, H.R., 1978. Biology of language: The epistemology of reality. In: G. Miller, and E. Lenneberg, eds. *Psychology and Biology of Language and Thought: Essays in honor of Eric Lenneberg*. New York, pp. 27–63.

Maturana, H.R., 1985. Comment by Humberto R. Maturana: The mind is not in the head. *Journal of Social and Biological Structures*, 8 (4), pp. 308–311.

Maturana, H.R., Mpodozis, J. and Letelier, J.C., 1995. Brain, language and the origin of human mental functions. *Biological Research*, 28 (1), pp. 15–26.

Maturana, H.R., 2000. The nature of the laws of nature. *Systems Research and Behavioral Science*, 17 (5), pp. 459–468.

Menary, R., 2007. Writing as thinking. *Language Sciences*, 29 (5), pp. 621–632.

Mitchell, K., 2017. What are “the laws of biology”? *The Biologist*, 64 (6), p. 6.

Morris, C.W., 1938. Foundations of the theory of signs. In: O. Neurath, R. Carnap and C.W. Morris, eds. *International Encyclopedia of Unified Science*. Vol. 1, Part 2. Chicago, pp. 1–59.

Nickerson, R.S., Perkins, D.N. and Smith, E.E., 1985. *The Teaching of Thinking*. Hillsdale, NJ.

Pepperberg, I.M., 2002. Cognitive and communicative abilities of grey parrots. *Current Directions in Psychological Science*, 11 (3), pp. 83–87.

Pilley, J.W. and Hinzmann, H., 2013. *Chaser: Unlocking the genius of the dog who knows a thousand words*. Boston.

Pinker, S., 1995. *The Language Instinct: How the mind creates language*. New York, NY.

Putnam, H., 1981. *Reason, Truth and History*. Cambridge.

Raimondi, V., 2019. The bio-logic of languaging and its epistemological background. *Language Sciences*, 71, pp. 19–26.

Ross, D., 2007. H. sapiens as ecologically special: What does language contribute? *Language Sciences*, 29 (5), pp. 710–731.

Saussure, F. de, 1916. *Cours de linguistique générale*. Paris.

Savage-Rumbaugh, S. and Lewin, R., 1994. *Kanzi: The ape at the brink of the human mind*. New York.

Schilhab, T., 2015. Words as cultivators of other minds. *Frontiers in Psychology*, 6. doi: 10.3389/fpsyg.2015.01690.

Sinha, C., 2015. Language and other artifacts: socio-cultural dynamics of niche construction. *Frontiers in Psychology*, 6. doi: 10.3389/fpsyg.2015.01601.

Soames, S., 2003. *The Dawn of Analysis*. Princeton, NJ.

Stewart, J., Gapenne, O. and Di Paolo, E.A., eds., 2011. *Enaction: Toward a new paradigm for cognitive science*. Cambridge, MA.

Varela, F.J., Thompson, E. and Rosch, E., 1991. *The Embodied Mind: Cognitive science and human experience*. Cambridge, MA.

Vernadsky, V.I., 1989. *Biosfera i noosfera* [Biosphere and Noosphere]. Moscow (in Russ.).

The author

Prof. Alexander V. Kravchenko, Chair of Theoretical and Applied Linguistics, Baikal State University, Russia.

E-mail: KravchenkoAV@bgu.ru

ORCID: 0000-0001-6300-0540

To cite this article:

Kravchenko, A. V., 2022, Language and the nature of humanness (Invitation to a discussion), *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 13, no. 3, p. 7–24. doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-1.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))